Статья ретрагирована 20.07.2018

УДК 111.83

Шипота Кирилл Анатольевич

Shipota Kirill Anatolievich

СЕМИОТИКА ПРОСТРАНСТВА ЧЕРЕЗ ТОПОС ВРЕМЕННОЙ ЯВЛЕННОСТИ

SEMIOTICS OF SPACE IN THE PERSPECTIVE OF THE TOPOS OF TEMPORAL MANIFESTATION

Аннотация:
В данной статье автор исследует выстраивание семиотического пространства через призму временной явленности и расположенности, по-разному данной в опыте эстетических переживаний, определяет феномен циклического и линейного времени через мгновение, которое есть суть схватывания времени и пространства в конкретный момент. Автор статьи приходит к выводу, что, в соответствии с опытом, каждый человек как субъект может замедлять или ускорять время, но при этом фиксировать течение объективного времени, внешнего относительно мира переживаний. Если возникает чувство, что время остановилось, то лишь на мгновение, поэтому именно оно является основной эстетической дефиницией линейного времени, и наделяется различными эстетическими «маркерами». Мгновение может восприниматься как чувство наивысшего счастья и восхищения, покоя, остановки, как весы, которые взвешивают людские деяния, как чувство наивысшего ужаса.

Ключевые слова:
семиотика, современность, время линейное, время циклическое, философия времени, эстетика современности, хронотоп, топохрон, феномен, мгновение.

Summary:
The article examines the structuring of the semiotic space in terms of the time- and space-conditioned world of phenomena, as it is revealed in different ways in aesthetic experience. The subject of cyclical and linear time is defined in terms of a moment that is an instant seizure of time and space. It is deduced, that according to the one's experience, every person as a subject is able to slow down or to speed up the time, but with that to fix an objective time, outside to the world of experiences. If there is a feeling that the time has stopped, it is only for a moment. Therefore, it is the moment that is a major aesthetic definition of the linear time, and it is endowed with different aesthetic «markers». The time flash can be perceived as: the feeling of the highest happiness and excitement, the feeling of calm, stop, the scales weighting the human deeds, and the highest sense of horror.

Keywords:
semiotics, modernity, time linear, cyclical time, philosophy of time, aesthetics of modern times, chronotope, topochron, phenomenon, moment.

Человек с необходимостью вовлечен в семиотическое пространство, и, при этом, обладает определенным топосом, в котором заложен онтологический феномен. Феномен по-разному проявляется, но не может себя не обозначить, иначе как через Время или «временную явленность».

Феномен времени проявляется в разных традициях, но притом и по-разному обозначает себя в различных культурах. Следует отметить, что феномен времени предопределяет всю систему ценностей и человеческих взаимоотношений: именно из него исходит представление о судьбе, смерти, вечности, смысле жизни. Одним из первых философов, начавших исследовать проблему восприятия времени и культуры в их взаимосвязи, был Освальд Шпенглер [1], утверждавший, что именно с различием субъективного восприятия времени в корреляции с объективными различиями в исторической судьбе народов, и создается многообразие и инаковость культур. К примеру, для Востока, образ времени – «змея, кусающая себя за хвост» – это, прежде всего, образ цикличности жизни, схваченной в вечном перерождении. Индуизм и буддизм ищут вечность, которая преодолевает бесконечное существование; человек должен прекратить цепь вечных перерождений и полностью освободиться от временного потока, обретя нирвану. Совершенно другое восприятие времени мы можем находить в литературных памятниках античности. Рациональные греки понимали время как божественный дар и представленную возможность. Временность располагалась в архитектонике аксиологического феномена совместно с архетипом судьбы. Такое сопряжение вечного и конечного в моменте человеческой жизни позволило грекам не только обозреть людскую судьбу целиком (от начала до конца), но и оценить ее с точки зрения вечности.

Феномену временности как одному из основных проявлений сущности человека, посвящен фундаментальный труд И. Канта. Он продолжает анализ Баумгартена, который, по мнению Канта, проанализировав чувственное познание, не прибавил к его содержанию ничего, что нельзя было бы извлечь из самого понятия, то есть не дал никакого нового знания. В «Критике чистого разума» Кант существенно расширяет позиции эстетики как науки, вводя в нее иное, переосмысленное, отрефлектированное содержание, заключая в эстетическую науку исследование чувственной стадии познания, и дает новое синтетическое знание. Занимаясь трансцендентальной эстетикой, Кант, по-аристотелевски, собирается «изолировать» чувственность, с тем, чтобы не осталось ничего, кроме эмпирического созерцания, и затем разделить эмпирическое

RETRACTED

Статья ретрагирована 20.07.2018

созерцание на все, что принадлежит к ощущению, так, чтобы осталось лишь чистое созерцание и одна лишь форма явлений, единственное, что может быть дано чувственностью, при этом обнаруживается, что существуют только две чистые формы чувственного содержания, как основные принципы априорного знания – пространство и время. И. Кант понимает время как необходимое субъективное условие для восприятия субъектом окружающего мира и самого себя, это «способ располагать в душе представления <…> представления внешних чувств составляют основной материал, которым мы снабжаем нашу душу, само время, в которое мы полагаем эти представления и которое даже предшествует осознанию их в опыте, находясь в основе их как формальное условие того способа, каким мы полагаем их в душе, содержит уже отношения последовательности, одновременности и того, что существует одновременно с последовательным бытием (того, что постоянно)» [2, с. 55]. Само время у Канта полагается раньше пространства как необходимое условие систематизации чувственного опыта, да и возможности самого опыта; время позволяет связать и актуализировать априорные категории и данные чувственного опыта. Само время полагает в наличествующем мире возможность эмпирического опыта, мышления, представления, идеи, все это базируется на априорных категориях и синтетическом опыте. Время есть реакция сознания, направленная на упорядочивание чувственного мира. По мнению Канта, время исключительно субъективно и априорно, то есть не свойственно чувственному миру, но также время не свойственно и ноуменальному миру: «если мы возьмем предметы так, как они могут существовать сами по себе, то время есть ничто» [3]. Таким образом, время – это лишь форма и функция сознания, чуждая содержанию, позволяющая субъекту выстраивать временные отношения и упорядочивать действительность, оно позволяет располагать в душе представления: «душа воздействует на себя своей собственной деятельностью, а именно полаганием своих представлений» [4]. Феномен временности – это процесс, обладающий непрерывным движением и содержащий в себе одновременность и последовательность: от прошлого к будущему, находя свою актуальность в настоящем – «современном».

Основой жизни человека выступает циклическое время. Возвращение времени – это ритуал, обладающий, для людей древности, наделенных мифологическим сознанием, «сакральным» смыслом и повторяющийся вновь и вновь. Повторяющиеся ритуалы из года в год, следуя один за другим, приводят мир к гибели и к новому рождению. «Любой религиозный праздник, любое литургическое время основывается на реактуализации некоего сакрального события, которое произошло в мифическом прошлом, “в начале”. Участие в празднике обеспечивает выход из “обычного” времени и включение в мифическое время, реактуализированное посредством этого праздника. Сакральное время можно без конца “находить” и воспроизводить, иными словами оно “не течет”, не является необратимым» [5].

Известный культуролог М. Элиаде в своей работе «Миф о вечном возвращении», различает «бесконечное циклическое время» – событийный ряд повторяется бесконечное число раз, и «ограниченное циклическое время» – число повторов конечно (цикл «золотого века» поэзии, следующий – «серебряный век» и т.д.) [6].

Исследования, посвященные циклическому времени, наводят на мысль, что идея времени линейного (порядкового, которое движется к заданной цели), в культуре проявляется намного позже. В аксиологическом восприятии линейное и циклическое время взаимосвязано – это все одно Время, которое можно воспринимать либо как цикл, либо как порядок.

Семиотика пространственной явленности в хронотопе современности может быть по-разному дана в опыте эстетических переживаний: эстетика времен года, эстетика времен дня, циклическая жизнь социума (чередования режима труда и отдыха). Все переживания времени лежат в поле онтологического восприятия, и, чтобы мы могли их перенести в эстетическо-воспринимаемый контекст, нам необходимо, чтобы воспринимаемое время было наделено отличительной чертой, например, переживаемое время должно быть окрашено определенным чувством. Так, само восприятие осени должно стать особенным отличным от других времен года, что приведет нас к переживанию времени, но этот эстетически схваченный образ времени должен быть сменен другим образом времени, и с одной стороны – это другое время того же самого (в нашем случае: времен года), а, с другой стороны, то же самое, приводящее к тому же. Очень точно такое переживание описано А.С. Пушкиным: «…Унылая пора! Очей очарованье! / Приятна мне твоя прощальная краса – / Люблю я пышное природы увяданье, / В багрец и в золото одетые леса <…> / И с каждой осенью я расцветаю вновь…». Необходимо указать здесь: одним из феноменов циклического времени является отсутствие аспекта необратимости, ибо только циклическое время вечно возвращается и в своем круговороте остается неизменным.

Феномен циклического времени в том, что наблюдая смену времен года мы «испытываем чувство удовольствия от ощущения вечного движения вечной жизни в разных, но равно-достойных ее ликах, от постоянства этого движения, от надежной неизменности пребывающего в нем мира»

РЕТРАГИРОВАНО

Статья ретрагирована 20.07.2018

[7, с. 173]. Однако данное нам время в условных категориях цикличности не имеет актуальности – это всего лишь движение по замкнутому кругу, и можно чувствовать только часть этого времени в сезонно-календарной конкретности (осень-зима-весна-лето-осень…), закрепляющейся в нашем субъективном отношении к происходящему сезонному/суточному циклу. Таким образом, четкая ритмизация бытия не дана нам в нашем личном опыте – это привнесенное в нас или присвоенное нами через включенность в культурную традицию и цикличность природного, внешнего мира.

Линейное (историческое) время неразрывно связано со временем онтологическим, а, точнее сказать, выходит из онтологического восприятия, в котором происходят индивидуализированные события, складывающиеся в событийные ряды, формируется историческое восприятие времени, семиотическое пространство.

Эстетика линейного времени или времени «возрастов» [8], как ее определяет в своей работе С.А. Лишаев, подразумевает, что все окружающее нас в органическом и неорганическом мире обладает феноменальным свойством накапливать и проявлять временные изменения, позволяя нам получать опыт переживания линейного времени. Так человек и все животные – стареют; металлы, камни и другие материалы – по-разному проявляют процесс старения, а все строения и сооружения из этих материалов – недолговечны.

Время и история неразделимо связаны. История разворачивается в непрекращающейся последовательности уникальных событий, которые упорядочиваются отношением «раньше, чем» [9], такие связки и создают время. Итак, можно заключить, что все события происходят или раньше, или позже, или одновременно с другими событиями. Неизменный аспект линейного времени неразрывно связан с разделением всех событий на прошлые, настоящие и будущие. Данный аспект требует пояснения, а именно: реально существуют только события настоящего времени, события будущего – еще не существуют, а события прошлого уже перестали существовать. «Только настоящее имеет бытие в природе, прошедшее имеет бытие лишь в памяти, а будущее не имеет никакого бытия» [10, с. 162].

Однако, как тогда мы можем воспринимать и принимать на веру рассказы о прошлом или правильные предсказания будущего, если они не имеют реальных оснований? Ответ на этот вопрос мы находим в рассуждениях Блаженного Августина: «…И в самом деле, как могли, например, пророки, которые предсказывали будущее, видеть это будущее, если бы оно не существовало? Ведь того, что не существует, и видеть нельзя. И опять, те, которые рассказывают нам о прошедшем, не могли бы рассказать о нем, как о действительно существовавшем, если бы оно в душе их не представлялось таковым; как же оно могло бы предназначаться им, если бы вовсе не существовало? Итак, надобно полагать, что и прошедшее, и будущее время также существуют, хотя непостижимым для нас образом» [11, с. 320–335].

Самая важная характеристика линейного времени заключена в его «текучести». В своей работе Павел Флоренский так определяет это свойство действительности: «…аналитическое научное и житейское сознание <…> при уяснении себе образа действительности, всячески старается отвлечься от длительности или возможно ограничить ее, чтобы возможно исключить из образа его текучесть; предмет исследования пригвождается, чтобы, хотя приблизительно, задержать его процессы» [12, с. 55]. Конечно же, когда мы схватываем предмет в его сути, когда начинаем его исследовать, то, первое, от чего мы отказываемся, это хронос временности – как предмет «проживает» свое время. Только «чистые» науки, оперирующие «чистыми» отвлеченными понятиями, такие как математика и метафизика, не требует от нас таких усилий.

«Греческое познание начиналось с выделения отдельных восприятий из хаоса слитных впечатлений, – отмечает в своем исследовании Н.И. Кагарманова. – Это было условием обнаружения устойчивых форм бытия в неопределенно бесформенной текучести мира» [13, с. 496]. Под течением времени подразумевается, что события будущего становятся событиями настоящего, а затем событиями прошлого. Такой опыт «текучести» можно наблюдать не только в событиях истории, но это, прежде всего, и индивидуальный чувственный, эстетический опыт каждого из нас. Если мы обратимся к нашему восприятию времени, то, структурируя свой опыт, каждый может прочувствовать течение времени, которое неотделимо связано с переживанием времени: человек чувствует, как: «время замедляется», «ускоряется» или «останавливается на мгновение». В своих исследованиях по теории искусства Павел Флоренский пишет так: «Но всякому представляется в непосредственном самосознании, что это замедление произошло лишь в данный раз, по какой-то слабости, рассеянности, и вообще – нежеланию сделать усилие, но что у него в запасе имеется на будущее еще другой раз, когда он не сплошает, и то же действие произведет уже без малейшего замедления, то есть безвременно» [14]. Все наши действия, восприятия и оценки лежат во времени, вся действительность пронизана временем, но аксиологический феномен в том, что мы это чувство не воспринимаем и пытаемся избавиться всячески от него избавиться, не пытаясь преодолеть.

RETRACTED

Статья ретрагирована 20.07.2018

«Погрузившись в себя, человек обнаруживает внутри те силы и начала, которые сообщают иное восприятие времени» [15]. Человек, с помощью своего восприятия, благодаря топосу своей временной явленности делает попытки преодоления времени, пытается регулировать течение времени. Для различения скорости протекания времени (а чаще всего мы замечаем, как оно утекает, ускользает от нас, когда из задуманного не было реализовано ничего) мы обращаемся к своему опыту, к самим себе. Феноменальность данного явления в том, что наше субъективное время напрямую зависит от нашего состояния, от проявляемых чувств, от психофизических состояний нашего организма, что напрямую влияет на наше восприятие времени, но, при этом, само движение времени остается объективной реалией и феноменом внешней реальности.

Удивительный парадокс! В соответствии с нашим опытом мы как субъекты можем замедлять или ускорять время, но при этом фиксировать течение объективного времени, внешнего относительно мира наших переживаний. Если возникает чувство, что время остановилось, – то лишь на мгновение. Поэтому именно мгновение является основной эстетической дефиницией линейного времени, и наделяется различными эстетическими «маркерами». В поэзии разных поэтом мгновение воспринимается полярно:

– это и чувство наивысшего счастья, восхищения: «…Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты, / Как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты» (А.С. Пушкин);

– и чувство покоя, остановки: «Так, в жизни есть мгновения – / Их трудно передать, / Они самозабвения / Земного благодать. / Шумят верхи древесные / Высоко надо мной, / И птицы лишь небесные / Беседуют со мной. / Все пошлое и ложное / Ушло так далеко, / Все мило-невозможное / Так близко и легко. / И любо мне, и сладко мне, / И мир в моей груди, / Дремотою обвеян я – / О время, погоди!» (Ф. Тютчев);

– это и весы, которые взвешивают людские деяния: «…У каждого мгновенья свой резон / Свои колокола, своя отметина / Мгновенья раздают кому позор / Кому бесславье, а кому бессмертие / <…> Мгновения спрессованы в года / Мгновения спрессованы в столетия / И я не понимаю иногда / Где первое мгновенье, где последнее…» (Р. Рождественский);

– так и чувство наивысшего ужаса (такое свидетельство мы можем найти у многих авторов художественных произведений – «в это мгновение вся жизнь промелькнула передо мной»), именно поэтому Фауст в одноименном произведении Гете будет искать именно «мгновение»: «…Ну, по рукам! / Когда воскликну я: “Мгновенье, / Прекрасно ты, продлись, постой!” – / Тогда готовь мне цепь плененья, / Земля разверзнись подо мной! / Твою неволю разрешая, / Пусть смерти зов услышу я – / И станет стрелка часовая, / И время минет для меня» (Гете Фауст пер. Н.А. Холодковского ч. 1, сцена 4 «Кабинет Фауста»).

Ощущая эстетически «мгновение», которое есть суть схватывания времени и пространства в конкретный момент, момент сотворения неба и земли «с которого началась история», мы приходим к эстетическому переживанию «вечности». «…Время для японцев – как отмечает Н.И. Кагарманова, – всегда “теперь”, что эквивалентно “вечности”, но поскольку оно “теперь” – оно прекрасно. Недолговечные, краткие моменты, такие как восход и заход солнца, цветение вишни, появление льда на реке и т.д., заслуживающие, с точки зрения японцев, самого пристального внимания, отлиты в особую эстетическую форму» [16]. Т. Гоббс в «Левиафане» пишет так: «Душа всегда живет в том мгновении, в котором соединяются прошлое и будущее, через нее течет поток Вечности, в котором все и всегда сейчас» [17].

Такое восприятие мгновения мы находим и у Августина в его «Исповеди»: «В Вечности ничего не происходит, но пребывает как настоящее во всей своей полноте» [18], и поясняет: «Никто не может отрицать, что настоящее лишено протяженности, ведь его бег – лишь мгновение» [19]. По мнению Августина, мгновение не имеет длительности и не может быть измерено, только полагая время в душе, Августин приходит к выводу, что оно может быть измерено благодаря опыту проживания времени. Время и вечность не сравнимы: во времени существует череда множества преходящих мгновений, которые не могут не сменять друг друга, «в вечности ничто не приходит, но пребывает как настоящее во всей полноте; время как настоящее в полноте своей пребывать не может. Недвижная пребывающая вечность, – далее продолжает Августин, – не знающая ни прошедшего, ни будущего, указывает времени быть прошедшим и будущим» [20]. Так же рассуждает и С. Кьеркегор: «Мгновение – это та двузначность, в которой время и вечность касаются друг друга, и вместе с тем полагает понятие временности, в которой время снова и снова разделяет вечность, а вечность снова и снова пронизывает собой время» [21, с. 183].

Итак, могут ли наши ощущения в замедлении или ускорении времени считаться объективными? А объективное время – может ли ускоряться или замедляться? Конечно же, нет. Тогда, нам необходимо говорить о разных временах, то есть о том, что каждое биологическое тело обладает своим ощущением времени? Если углубиться в историю человеческой мысли, то мы увидим, что практически все ученые, которые занимались осмыслением времени, едины в одном:

RETRACTED

Статья ретрагирована 20.07.2018

время универсально. Начиная с эпохи модерна появляется теория о локальных временах, согласно которой «есть время физическое, химическое, космологическое, геологическое, биологическое, социальное <…>, и все эти времена объективны. Основной аргумент – должны же темпоральные процессы иметь особенности протекания применительно к различным видам и условиям движения материи. Быть может, так. Но в чем заключаются эти особенности, какие фундаментальные свойства времени ими затрагиваются? Вразумительных ответов нет, за исключением одного: пишут о том, что время по-разному длится в зависимости от вида реальности или условий движения» [22].

Ссылки:

1. Шпенглер О., Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Образ и действительность / пер. с нем. И.И. Маханькова. М., 2009. Т. 1. 648 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. М., 1994. 591 с.
3. Там же. С. 58.
4. Там же.
5. Поликарпов В.С. Время и культура. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/polikar/vrem.php (дата обращения: 20.02.2013).
6. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб., 1998. 250 с.
7. Лишаев С.А. Эстетика Другого. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. 380 с.
8. Там же. С. 153.
9. Анисов А.М. Направленность и обратимость времени // Логические исследования. М., 1999. Вып. 6. С. 195–217.
10. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избр. произведения: в 2 т. М., 1964. Т. 2. 190 с.
11. Августин Блаженный. Исповедь / пер. и комм. М.Е. Сергеенко. М., 1992. 345 с.
12. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. 302 с.
13. Кагарманова Н.И. Восток и Запад: парадоксы познания. М., 2012. 576 с.
14. Флоренский П.А. Указ. соч. С. 55.
15. Кагарманова Н.И. Указ. соч. С. 496.
16. Там же. С. 510.
17. Гоббс Т. Указ. соч. С. 184.
18. Августин Блаженный … С. 148.
19. Там же. С. 136.
20. Там же. С. 209.
21. Кьеркегор С. Понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1998. С. 115–251.
22. Анисов А.М. Указ. соч. С. 143.

References:

1. Spengler, O 2009, *Decline of the Western World: Essays on the morphology of world history: in 2 vols.,* Image and actuality, in Mahankov, Il (transl.), Moscow, vol. 1, 648 p.
2. Kant, I 1994, *Critique of Pure Reason*, in Lossky, N (transl.), Moscow, 591 p.
3. Kant, I 1994, *Critique of Pure Reason*, in Lossky, N (transl.), Moscow, p. 58.
4. Kant, I 1994, *Critique of Pure Reason*, in Lossky, N (transl.), Moscow, p. 58.
5. Polikarpov, VS 2014, *Time and culture*, retrieved 20 February 2013, <http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/polikar/vrem.php>.
6. Eliade, M 1998, *The Myth of the Eternal Return*, in Morozova, E & Murashkintseva, E (transl.), St. Petersburg, 250 p.
7. Lishaev, SA 2008, *Aesthetics of the Other,* 2nd ed., rev. and add., St. Petersburg, 380 p.
8. Lishaev, SA 2008, *Aesthetics of the Other,* 2nd ed., rev. and add., St. Petersburg, p. 153.
9. Anisov, AM 1999, 'Orientation and time reversibility', *Logical Investigations,* Moscow, issue 6, p. 195-217.
10. Hobbes, T 1964, 'Leviathan, or the matter, form and power of the state ecclesiastical and civil', *Selected works: in 2 vols.,* Moscow, vol. 2, 190p.
11. Augustine 1992, *Confession*, in Sergeenko, ME (transl.), Moscow, 345 p.
12. Florensky, PA 1993, *Analysis of the spatial and time in art-graphic productions,* Moscow, 302 p.
13. Kagarmanova, NI 2012, *East and West: paradoxes of knowledge,* Moscow, 576 p.
14. Florensky, PA 1993, *Analysis of the spatial and time in art-graphic productions,* Moscow, p. 55.
15. Kagarmanova, NI 2012, *East and West: paradoxes of knowledge,* Moscow, p. 496.
16. Kagarmanova, NI 2012, *East and West: paradoxes of knowledge,* Moscow, p. 510.
17. Hobbes, T 1964, 'Leviathan, or the matter, form and power of the state ecclesiastical and civil', Selected works: in 2 vols., Moscow, vol. 2, p. 184.
18. Augustine 1992, *Confession*, in Sergeenko, ME (transl.), Moscow, p. 148.
19. Augustine 1992, *Confession*, in Sergeenko, ME (transl.), Moscow, p. 136.
20. Augustine 1992, *Confession*, in Sergeenko, ME (transl.), Moscow, p. 209.
21. Kierkegaard, S 1998, 'The concept of fear', in Kierkegaard, S, *Fear and Trembling,* Moscow, p. 115-251.
22. Anisov, AM 1999, 'Orientation and time reversibility', *Logical Investigations,* Moscow, issue 6, p. 143.

RETRACTED